

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ ЛИТВА 3 0 СЕН 1981

г. Вильнюс

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ...

Если ехать из Москвы в Ярославль по шоссе, то перед самым Ярославлем на вершине живописного холма вы увидите белые легкие здания в окружении вековых деревьев. Это Карабиха — музей-усадьба Николая Алексеевича Некрасова.

Более 100 лет прошло с той поры, когда был он здесь в последний раз. Но все так же сияет паркет, уютен полумрак гостиной, глубоко кресло ждет хозяина, чучела огромных птиц — лесные трофеи — напоминают о его страстном увлечении охотой. Здесь все, как при Некрасове, все, как век с лишним тому назад.

Почти тридцать лет работает в музее директором Анатолий Федорович Тарасов, человек, влюбленный в поэзию Некрасова, в эти живописные холмы, в свое дело, которому посвящает жизнь. С волнением рассказывает он о том, как создавался музей, о трудном и интересном поиске подлинных некрасовских вещей.

Приехал Тарасов в Карабиху 1 августа 1947 года. А до этого были фронт, Ленинградский университет, увлечение литературой... Главное здание усадьбы занимал в ту пору детский дом. Флигель, в котором жил и творил Некрасов, во время войны пострадал от пожара — загорелась и обвалилась крыша. Так дом и стоял, дождь внутрь лил, стены стали разваливаться. Ограды, конечно, никакой не было — ходили через парк. На лужайке были грядки разбиты — детдомовский огород. Окна там и тут — фанерой заколочены. Трудное время — послевоенное.

Начинали, можно сказать, с нуля. Хотя если сравнить с пушкинским Михайловским, где фашисты бесчинствовали, еще повезло, ведь здания-то сохранились подлинные, те, что «помнили» Некрасова. В нижнем парке насчитали 600 деревьев в возрасте больше ста лет... По решению правительства здесь решено было создать некрасовский музей.

Детдом переехал в другое место, и Тарасов с помощниками принялись за восстановление главного дома усадьбы. Но сначала, помня историю 1902 года, обшарили его сверху донизу. Что за история? А тогда земляки Некрасова решили устроить выставку, отметить 25-летие со дня смерти поэта и обратились к Федору Алексеевичу, его брату, владевшему Карабихой, дать на выставку некрасовские вещи, документы, рукописи...

И вот в подвале была найдена довольно увесистая пачка, в которой оказались черновые тетради поэта, письма, рукописи, запрещенные в ту пору книги и коллекция фотокарточек декабристов. Сей-

час все это хранится в Москве, в библиотеке имени В. И. Ленина.

В 1947 году музей принял первых посетителей. Тогда же принялись за флигель. Начали с того, что стянули металлическим поясом стены, чтобы не рассыпались. И постепенно, комнату за комнатой, стали приводить «в божеский вид». Но за что ни возьмись — проблема...

Во флигеле был дубовый паркет. Пожар не все уничтожил, в углах кое-где дубовые дощечки остались, и о-

разцов с гору — со всех обойных фабрик. Листали-линали и нашли рисунки, очень похожие на те, что в альбоме Великановой. Оказалось — это образцы старинной московской обойной фабрики, работавшей еще при Некрасове. Пошли туда, а валов с нужным рисунком нет.

Во время войны фашисты разрушили обойные фабрики в Минске и Боровичах. Когда стали их восстанавливать, москвичи в виде помощи отравили часть своих валов и той и другой. В том числе и

ботал тогда в Ярославле, в Волковском театре, интересный человек — Эрнест Христианович Ершевич, латыш, краснодеревщик. В театре мебель делал. В Карабиху он на воскресенье приезжал, в отпуск. Все привел в полный порядок, руки-то золотые!

Собирать книги помогала вся страна. В начале века была составлена опись некрасовской библиотеки. Работники музея задались целью все восстановить, хотя и был в дублкатах. И Пушкинский дом помог, и Ленинская библиотека. Откуда только книги и журналы не шли! Все комплекты «Современника» и «Отечественных записок», которые редактировал Некрасов, теперь в музее есть.

Наверное, о каждом экспонате музея можно рассказать много интересного. Взять хотя бы ружье — бельгийское, 60-х годов прошлого века... Приехали как-то в Карабиху пионеры из Ростовского района. Осмотрели музей, собрались уходить, а кто-то из них и говорит: «У нас в деревне Макарово некрасовское ружье есть». «У кого?» — «У Осорина». Отыскали этого Осорина, и оказался он внуком того мужика, с которым Некрасов охотился около озера Неро и у которого он то ли оставил, то ли подарил два ружья...

Растут вокруг усадьбы деревья. Это старинный парк — нижний и верхний. Верхний в войну очень пострадал. Своими руками приносили сотрудники музея березы из леса и сажали их на тех местах, что и при Некрасове. А нижний парк устроен был по типу английских — лужайки, дорожки. Решили проложить их там, где они сто лет назад были. А как это сделать? Все заросло травой. Спросили Веру Федоровну, племянницу: «Вы помните, где дорожки были?» — «Помню». И повела по парку.

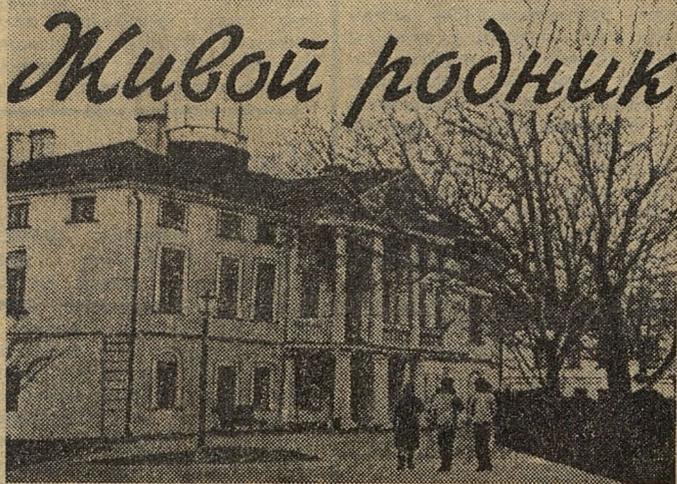
Забили колышки, а потом подумали — а вдруг ее память подводит? Принялись копать. И везде, где были забыты колышки, обнаружили на небольшой глубине щебенку старых дорожек.

Рос в парке старый кедр. Под ним Некрасов впервые читал поэму «Русские женщины». В 40-м году этот кедр разбило молнией. А из пня сама по себе выросла березка. Сейчас рядом тянется вьсь молодой кедр, посаженный заботливыми и любящими руками.

Посетителей в музее-усадьбе уже побывало более миллиона. Страницы книги отзывов заполняются словами благодарности: «Спасибо, что так бережно хранится память о великом русском поэте».

Н. РОМАНОВИЧ.

Москва — Ярославль — Карабиха.

В России немало поэтических мест, названия которых так много говорят сердцу. В этом блистательном ожерелье — пушкинское Михайловское и дерматовские Тарханы, толстовская Ясная Поляна и тургеневское Спасское-Лутовиново, аксаковское Абрамцево и чеховское Мелихово... И в этом же ряду — некрасовская Карабиха.

нование под паркет тоже. Раздобыли целый вагон дубовой древесины. Ярославская фабрика имени 1 Мая сделала из нее по старым образцам паркет. А с обоями вот что получилось. По воспоминаниям современников было известно, что комнаты во флигеле были оклеены обоями: в большом зале — белыми с золотом, в кабинете — полосатыми. Но ни одного клочка не нашлось. Выручила сотрудница музея С. Великанова. Она прекрасно знала свое дело, еще в молодости пройдя школу Русского музея. Так вот, она объездила музеи Москвы, Ленинграда и других городов, изучила картины некрасовской поры, а особенно портреты самого поэта — не захватили ли «в кадр» художники и обои на стене? Чуть что встретит — срисовывала себе в альбом, а потом выбирала, прикидывала эскизы возможных обоев.

Поехали в Москву, а там, на счастье, нашелся бывший старичок — погодите, говорят, мудрить, посмотрите среди образцов. Наложил этих об-

эти — «некрасовские». Послали запрос в Минск, и вскоре оттуда пришла посылка с обоями, а в ней письмо. Директор фабрики сообщил: трудились в нерабочее время на сэкономленных материалах и посылаем бесплатно, как маленький вклад белорусского народа в дело восстановления музея Некрасова.

В те годы Минск сам-то в развалинах лежал. И вот такой подарок!..

Флигель восстановили, паркет настлали, обои наклеили — дело за мебелью. К счастью, в 1918 году при национализации усадьбы наиболее ценная некрасовская мебель была вывезена в Ярославль, в краеведческий музей. Ее вернули. Часть выкупили у наследников. Однажды в соседней деревне обнаружили комод, говорят — некрасовский. Как проверить? Пригласили племянницу Некрасова — Веру Федоровну. Посмотрела она, подтвердила: наш комод, только он не во флигеле стоял, а в большом доме.

А мебель вся старая — где угол отбит, где ножка сломана, надо ремонтировать. Ра-